

УДК 141:316.28 + 159.964.2 + 165.613 + 165.9

А. В. Перцев

КАК ВОЗМОЖНА МЕДИЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ АРХИТЕКТУРЫ? (Опыт постметафизического фельетона)

В статье на основе архитектурной философии немецкого философа Петера Слотердайка выясняется, возможна ли философия как общая теория всего, возможен ли переход от философии вообще к философии физики, философии биологии, философии медицины и др. Рассмотрено, как П. Слотердаик в трилогии «Сферы» выстраивает оригинальную концепцию истории человечества (в качестве истории формирования и развития особых пространственно-интерсубъективных образований — сфер). Также в статье исследуются возможность медийной философии, понятной современным студентам, и формы ее представления.

Ключевые слова: медийная философия, философия архитектуры, П. Слотердаик, психоанализ, философская гинекология, сферы, микросферы, макросферы, энтертейнер.

Ироничный российский мудрец Эмиль Кроткий однажды заметил: «Повар мыслит порциями». Глубину этой мысли трудно переоценить. Ведь подразумевается не только то, что повар, видя кусок мяса, автоматически прикидывает, сколько порций из него получится. Он вообще мыслит порциями. Он мыслит порциями весь мир. Это была скучная свадьба — на 13 порций. Предшествующая была на 350. А вот знаменательное историческое событие — саммит ШОС: 4 тысячи порций три раза в день, считая охрану и журналистов. Повар легко помыслит в порциях и полет на Луну, и Первую мировую войну, и вообще всё что угодно. Точно так же театральный костюмер всегда склонен мыслить значимость спектаклей переодеваниями актеров. А как, спрашивается, мыслит архитектор? Он, наверняка, мыслит домами. Комнатами. Жилищами. В общем, *обиталищами* и *вместилищами*, с учетом количества проживающих в них.

Именно потому президент Высшей школы дизайна в Карлсруэ Петер Слотердаик осуществил радикальную критику психоанализа именно с точки зрения философии архитектуры. Он заявил, что никакого эдипова комплекса, на котором у З. Фрейда строится все, просто не существует. Ведь мать для своего сына вовсе не предмет ранних сокровенных вождений, а *дом*. Обиталище, вместилище, пузырь. В этом обиталище идеально налажены водопровод и канализация. К тому же оно еще и передвигается само. Вдобавок проживающий в нем слышит откуда-то сверху самые приятные звуки. В общем, это «умный» дом. Но дом — даже самый «умный» — никаких эротических представлений не вызывает. Хотя, конечно, к нему влечет и тянет. Потому что тянет домой.

Как видим, архитектор, который мыслит домами-вместилищами, вполне может распространить свой специальный профессиональный взгляд на что угодно. Даже на женщину. Но возникает ли от этого «философия архитектуры»? Один из героев С. Лема определял философию как «общую теорию всего». Будет ли философией общая теория всего, изложенная с точки зрения архитектора, знатока вместилищ?

Впрочем, сам П. Слотердаjk не называет свою философию философией архитектуры. Он предпочитает говорить о ней как о медиафилософии, потому что она регулярно транслируется самим П. Слотердаjком по телевидению. У него есть свое интеллектуальное телешоу, которое выходит в эфир с завидным постоянством. Во время умственного изложения архитектурной философии и возникает победа над психоанализом с неожиданной стороны: «...Радикальная в своей сущности критика сформировалась на том фронте, к открытию которого не были готовы ни внутренние, ни сторонние критики психоанализа. Эта критика исходит из связи новейших исследований дородового состояния с понятийными трансформациями, осуществляемыми в рамках современных медиафилософий» [2, 303].

3. Фрейд смотрел на развитие ребенка глазами...ммм... наверное, врача, хотя научную карьеру он начал с изучения тоже чего-то медийного — с размножения угрей (было такое мнение, что они — гермафродиты). Он, по мнению П. Слотердаjка, запоздал с изучением человека, начав рассматривать развитие ребенка с оральной стадии, то есть с первого кормления грудью. А между тем ребенок уже настолько повзрослел и сложился к этому первому кормлению, что даже вышел наружу из матери как из «умного дома». Каждый архитектор и дизайнер знает, насколько среда обитания формирует человека. Так почему же никто не исследует значимость внутриутробного развития будущего ребенка — в аспекте влияния на него «умного дома»? Раз мы можем напрячь фантазию и представить себе, что чувствует во время первого кормления новорожденный (3. Фрейд здесь доказывает, что нельзя мыслить порциями!), то мы вполне можем научно постичь, каково зародышу в утробе матери. Что и делает предводитель юных архитекторов и дизайнеров Карлсруэ П. Слотердаjk, выделяя в утробном проживании человека «по крайней мере три фазы», которые «должны быть поняты как режимы радикальной медиальности» [Там же, 304].

Первая из них — это фаза фетального существования, на которой эмбрион формируется жилищем (архитектор не может так не думать!). Ведь находящийся в материнской утробе ребенок ощущает присутствие жидкостей, мягких тел и границы полостей — прежде всего плацентарной крови, пуповины, околоплодного пузыря. Но все эти «коммунальные удобства» отнюдь не расслабляют его, а, напротив, мобилизуют. «Родные стены» не только помогают, но и воспитывают характер человека уже на стадии эмбриона. «Благодаря сопротивлению стенок живота матери у него появляется смутный, предварительный опыт пространственных границ и окружающей его эластичной перегородки. В качестве предтечи того, что впоследствии станет называться действительностью, на этой стадии выступает некая флюидальная промежуточная область, входящая в темное, мягко покачивающееся, соприкасающееся с более твердыми границами сферическое пространство» [Там же, 304–305].

В общем, мать — это «умный дом» в виде пузыря, который сразу же задает человеку на уровне бессознательного общее отношение к жизни. Обо всем этом говорит новая наука — «негативная или философская гинекология», которая есть «метод, позволяющий установить, что в женщине и ее органах нет никакой объективности» [Там же, 311].

Смысл этого углубленного суждения заключается в том, что органы материнского тела нельзя рассматривать как абсолютно пассивные, безразличные объекты. Хотя, конечно, и субъектами их назвать трудно. Они — *нобъекты*. В общем, не объекты, а что-то такое, что побуждает, способствует, споспешествует, однако до полноценного субъекта все же недотягивает. Субъект, конечно, должен действовать сознательно. А тут — как это широко распространено сейчас — налицо бессознательное содействие чего-то не вполне интеллектуального. Благоприятствующей среды, немыслящего электората...

Если и дальше уподоблять материнский организм дому, то устройство этого дома таково, что он так и провоцирует своего обитателя выйти наружу. Материнский организм, так сказать, бессознательно формирует у столь же бессознательного эмбриона *пробивной характер*. Этот организм — женский организм, заметим! — и ведет себя чисто по-женски, а именно провокативно. Он делает вид, что сопротивляется, но сопротивляется только потому, что хочет, чтобы его победили, развив в борьбе с ним сильную волю. Сын, который живет внутри матери, еще до рождения провоцируется этим «умным домом» рваться на свободу, своевольничать, пробиваться сквозь свои, казалось бы, непроницаемые стены. Женщина как дом «представляет собой своего рода решающий туннель, в котором у плода появляется мотив собраться с силами для окончательного прорыва, для того, чтобы стать возвещающим о своем появлении снарядом. Понимаемые как медиум, вульва или родовой канал передают появляющемуся на свет субъекту опыт, что существует некая непроницаемая стена, которая одновременно может быть также и отверстием; отверстие — это функция столкновения со стеной. Бесперспективность стояния перед стеной непосредственно переходит для новорожденного в необходимость прорыва сквозь стену. <...> Для большинства рожденных рождение означает победу над стеной» [2, 312].

Хотя, конечно, говорить о *стоянии* перед стеной уже в материнской утробе мы бы не решились, следует констатировать: опыт архитектора и строителя позволяет П. Слотердайку создать то, что он именуется негативной (или философской) гинекологией. Мыслит она, как мы успели убедиться, архитектурными вместилищами, стенами и проемами. Впрочем, надо сделать важное уточнение. Это мышление не строителя, а именно архитектора и дизайнера. Строитель, когда кладет свою стенку, бессознательно хочет, чтобы она стояла вечно и чтобы в ней никто не проделывал никаких дыр. А вот дизайнер, явившись в жилище, сразу потирает руки и говорит с энтузиазмом: «Ну, прежде всего, конечно, надо снести все перегородки». Ломать, перестраивать мир, производить всяческие *перестройки* склонен именно архитектор — понятный, конечно, в широком, философском смысле. Существующий *строй* он воспринимает как вызов. Если все построено на века, архитектор никчем. Ему негде и нечего строить. Он, архитектор, склонен все снести, чтобы открыть себе поле для деятельности. Если дать ему волю, он снесет и все миро-*здание*.

Прервем увлекательный разбор книги П. Слотердайка. Вот что удивительно в ней: все, вроде, написано самым сложным языком, сплошная медицинская латынь да новоизобретения вроде «нобъекта», а ведь в конечном итоге выходит

необременительно для самых широких масс. Это вроде как кроссворд в электричке, или клуб телезатоков, или все нынешнее позитивистское образование: слова как бы супернаучные, умственные, чувствуешь себя интеллектуалом, хотя заглянул сюда случайно и постоянно обитать в этом Умном Месте не собирался, но за краткое время повысил самооценку и *поучился с увлечением*. К своим исходным представлениям строителя или сантехника ничего не добавил, конечно, но самоутвердился: там, в материнской утробе, все точно так же, проблемы в сущности те же.

Опытный телевизионщик, П. Слотердаик не затягивает обсуждения отдельных тем, быстро переключаясь и укладываясь в установленный ему отрывок времени — от одной рекламной перебивки до другой. Ведь на радио и на телевидении главное — обсудить проблему смысла жизни ровно за три минуты, а потом бодро сказать: «А теперь мы уходим на рекламу!». Так что обсуждение замысла философской гинекологии в изложении архитектора быстро прерывается сообщением о том, как долго обитал в материнской утробе Лао-цзы. Древние китайцы полагали, что мудрость человека закладывается как раз в это время. Поэтому обычные люди проводят в материнской утробе десять лун, божественные герои — двенадцать, а великие мудрецы — восемнадцать месяцев. Но Лао-цзы прожил в материнской утробе восемьдесят один год! Теперь понятно, почему он был так велик!

Российского читателя «Пузырей» так и подмывает развить тему философской гинекологии и указать на ничуть не менее великого Илью Муромца, который пролежал на печи тридцать лет и три года. Печь можно рассматривать как кювез, где он «донашивался» до богатыря. Здесь можно было бы многозначительно добавить, что покидание этого кювеза приходится как раз на время, когда происходит так называемый кризис середины жизни, и отсюда перекинуть мостик к экзистенциализму. Богатырское экзистирование вне кювеза — чем не медийная тема?

Но не позволим себе поддаваться на медиапровокации П. Слотердайка. Лучше констатируем, что вполне может существовать взгляд архитектора на гинекологию. Точнее, впрочем, не самого архитектора, а того человека, который не архитектор сам — ни по образованию, ни по роду деятельности, но который хочет от имени архитектора говорить о Вселенной в целом и о каждой ее детали в частности. В первом томе «Сфер», о котором мы говорили, изложено видение микросфер — живых «пузырей», во втором томе взглядом архитектора окидываются макросферы (они называются «Глобусы» [1]). Философию архитектора, объемлющую весь мир, завершает взгляд на весь образ жизни человека в современном обществе — включая концепции жилищ, которые потребуются для него в будущем. Это будут изолированные от погубленной окружающей среды вместилища-обиталища вроде нынешних космических станций. О них и еще о многом-многом другом повествует третий том «Сфер» — «Пена» [3].

Так что взгляд архитектора на весь мир существует — как историко-философский факт. И факт этот весом: в русском переводе «Пузыри» составляют 650 страниц, «Глобусы» — 1021 страницу, «Пена» — 923 страницы.

Кто же, спрашивается, будет читать такие толстые книги в нынешние времена, когда представители медийного класса, пришедшего на смену интеллектуалам, говорят: «Читал твиттер. Много думал». Будучи еще и педагогом, П. Слотердаjk знает: чтобы молодежь чем-то заинтересовалась, это что-то надо хорошенько запретить. Поэтому он заявляет, что читать его «Сферы» никому не следует. Он совершенно не рассчитывает на современных читателей. Их просто нет. Вокруг — торжество «последнего человека», предсказанного Ф. Ницше. Потому он собрал все материалы для философии будущего и заложил — как послание людям грядущего — в капсулу времени, каковой и является обложка «Сфер». (Капсула — это, кстати, тоже вместилище-обиталище; менталитет о себе всегда скажет.)

П. Слотердаjk говорит интервьюеру о том, как он писал «Сферы»: «...Я делал это с таким ощущением, что закладываю промежуточный архив, в котором будут храниться ценные данные во времена десятилетий забвения, которые мы переживаем сейчас и конца которым не видно. Если вспомнить, что мы в шестидесятые и семидесятые годы считали делом ближайшего будущего, чего, как мы полагали, вот-вот достигнем, если припомнить, какие открытия и прорывы предвещали тогда, то от сегодняшних отношений просто утрачиваешь дар речи: это — уникальное отупление и оглушение, наподобие наркоза, неомещанство в социальной сфере, неосхоластика в теоретической сфере, наступление идиотизма в сфере массмедиа, злой рессентимент у старшего поколения, ставшее злым честолюбие у многих представителей молодежи; это время, лишенное духовности. Из тех немногих, кто хранит огонь, большинство сидит по своим туннелям в изоляции друг от друга. Самое меньшее, что позволительно сказать, — время ныне неблагоприятно для крупных обобщений и подведения великих итогов. Собственно, моя книга — это не соответствующая циклу инвестиция в интеллект современных и последующих читателей, которые заинтересуются тем, что знали до них» [4, 230].

П. Слотердаjk знает, что молодежь живет только преодолением запретов и будущим. Нет для нее большего искушения, чем расковырять капсулу времени, предназначенную для потомков. Здесь П. Слотердаjk учится у своего кумира — Фридриха Ницше: тот тоже создавал философию на будущее. В подростковом возрасте Ф. Ницше был отдан в Пфурту; в замкнутом от мира интернате триста питомцев исключительно мужского пола погружались в культурный космос Древней Греции. Их отправили на двадцать пять веков назад. Это навсегда оторвало Ф. Ницше от привязанности к собственному времени. Он задумал грандиозный план: а что бы не совершить такой же скачок в будущее? На двадцать пять веков вперед? И не посмотреть на сегодняшнюю культуру Германии оттуда, из сорок четвертого века? Так родились «Несвоевременные размышления» (точнее было бы перевести «Несообразные времени рассмотрения»).

Ф. Ницше, таким образом, получил «капсулу времени» от древних греков, и последователь его, П. Слотердаjk, отправил такую же капсулу — на целых 2524 страницы — в будущее! Отправил в те далекие века, в которые уже будет жить следующий за человеком биологический вид — «сверх-человек». Каково же искушение заглянуть в эту капсулу времени хотя бы одним глазком... Да и не одним... Да и не разок... История движется подобно маятнику — из крайности

в крайность, никогда не застывая в оптимальном, гармоническом равновесии противоположностей. Времена, в которые читали слишком много, сменяются временами, когда читали слишком мало. Но тупы те «прогрессисты», которые верят, что история движется от многого чтения к малому чтению без возврата. Гегель писал, что чувствует себя в окружающем мире, словно хранитель огня в пещере, и этот огонь, который он бережет, есть философия. Потухнет этот огонь — и философии в мире не останется. Осталась и расцвела!

Тупость позитивистской революции двоечников, похоже, начинает надоедать миру. Двоечники, как и любое угнетавшееся ранее меньшинство, добились равноправия во времена безбрежной политкорректности — добились права безнаказанно говорить на своем языке (примитивном и отчасти матерном), открыто производить и свободно демонстрировать свои двоечные произведения, сдавать экзамены по любимой двоечной схеме: «Встаешь, а тебе сзади сразу три подсказки — определи, какая верная!» Раньше, когда распространялись только произведения твердых четверочников, было скучновато от однообразия. Но однообразие двоечной культуры оказалось еще скучнее по причине незатейливости мышления двоечников. А всякие восстания религиозных экстремистов — это тоже восстания двоечников от религии. Мир готов вернуться к притягательной и разнообразной культурной сложности. Опубликуйте хороший философский текст страниц на двадцать и больше на Фейсбуке и убедитесь в этом: не пройдет и получаса, как вы получите множество отзывов от прочитавших. Но люди больше не хотят, чтобы школа и университет были казарменно-скучными.

Это и использует П. Слотердаjk.

Он делает философию на злобу дня. Суперсовременную, потому что молодежь интересуется только новым, новейшим и еще новее. (Позитивистская инквизиция сегодня велит — в инструкциях для библиотек! — списывать книги, которые были изданы более 5 лет тому назад; на них запрещают ссылаться в научных работах. Хорошо, что эти книги существуют не только на «электронных носителях» — с ними можно было бы покончить единым кликом «мышки», не разжигая костров.)

И вот перед человеком молодым, склонным к бунту против «стандартов третьего поколения» (это, если вдуматься, стандарты-дедушки!), вдруг появляется капсула с философией не просто современной и даже не просто с философией будущего. Это — философия какого-нибудь сорок четвертого века. Молодежи расковыривать эту капсулу строго запрещено. А то она, чего доброго, почувствует себя «сверх-человеками» или, точнее, «после-человеками», то есть следующим биологическим видом, который к сорок четвертому веку непременно возникнет. Это очень опасно, дети, читать такие книги и чувствовать себя после-человеками! Это строго запрещено! На вас эти книги не рассчитаны!

Там самоновейшие научные термины, но вот чудо: все понятно... Как в кроссворде. И ненавязчиво. На одну идею — страницы четыре, не больше. Как в интеллектуальной телепередаче.

Вот почему у П. Слотердаjка есть свидетельство высшего признания в книготорговле — не только регулярно выходящие книги (по несколько в год), не только

большие тиражи, не только внимание средств массовой информации, но и сущий «Оскар» книготорговли — постоянная пластмассовая табличка с именем и фамилией, которая привинчена намертво к полке в книжных магазинах. (У нас такого знака отличника рыночной книготорговли удостоилась только Дарья Донцова с горсткой единомышленников.) На таких полках с фирменной табличкой всегда стоит с десяток его книг — и даже энциклопедический словарь, посвященный его творчеству.

***

Нам нет нужды рассуждать теоретически, подобно И. Канту, *как возможна архитектурная философия*, то есть взгляд на весь мир и на человека в нем глазами архитектора, вернее того, кто выдает себя за архитектора и выразителя интересов всех архитекторов на свете. Того, кого архитекторы считают философом, а философы — архитектором. (Но ни те ни другие своим не признают!)

Появление «Сфер» показало, что философия архитектуры практически *еще как возможна*. (В Китае времен Мао Цзэдуна выпускалась брошюра «Философия продажи арбузов». А роман Алексея Силыча Новикова-Прибоя «Цусима» о походе эскадры Зиновия Петровича Рожественского к берегам Японии некоторые недоброжелатели называли «взглядом кочегара на всемирную историю». Ведь он, Алексей Силыч, прежде чем стать писателем-маринистом и лауреатом Сталинской премии, служил кочегаром во время Цусимского похода. Кочегар, конечно, видит немного, но достаточно слышит, а еще больше — додумывает. Так что можно говорить и о философии кочегаров.)

Опыт последних лет показал, что *еще как возможны* и философия физики или философия медицины, равно как и все прочие *философии отдельных наук*, которые ныне преподаются аспирантам и сдаются ими на кандидатском экзамене. Автор этих строк заседал в составе Учебно-методического объединения под руководством декана философского факультета МГУ В. В. Миронова, обсуждая, как именно выполнять решение свыше об изучении вместо «философии вообще» аспирантами философии «своей» науки, когда аудиторию принялись штурмовать представители наук о Земле, которые требовали от философов немедленно создать философию и их наук тоже. Несоздание такой философии они угрожали рассматривать как дискриминацию их факультета. Всего в официальном бюрократическом классификаторе тогда было 300 наук. Требовалось срочно создать 300 философий и обеспечить их преподавание квалифицированными кадрами, способными принимать кандидатские экзамены — а хотя бы и по той же философии наук о Земле.

Изначальная специальность человека, которая распространяется им на весь мир при помощи философии, все же сказывается сильно во всей его деятельности. Metallург считает, что если накалить хорошенько все существующее — как исходное *сырье*, а потом отбросить шлак и слить расплавленное вместе, то получится, возможно, сплав с новыми, просто чудодейственными свойствами. Если, конечно, правильно подобрать присадки. Прежний министр образования, накалявший и сливавший вузы, был по профилю и стилю мышления металлургом...

Но близка ли нам, сегодняшним, которые внезапно вовлечены в позитивизм единым министерским решением, архитектурно-гинекологическая философия П. Слотердайка?

Представляется, что все-таки не близка.

Усилиями Б. М. Кедрова действительность была представлена в виде нескольких *форм движения материи*. Статичное миро-здание Средневековья — вроде того, которое нарисовал во всех подробностях Данте в «Божественной комедии», — парадоксальным образом пришло в движение. Нефилософы, не способные с помощью диалектического мышления представить себе миро-здание с движущимися этажами (как, спрашивается, они связаны между собой?), всячески стремились отделаться от необходимости философски окидывать взглядом все этажи разом — и победили, борясь за право ограничиваться одним только «своим» этажом. Так они ощущают переход от философии вообще как «общей теории всего» (С. Лем) к философии физики, философии биологии, философии медицины и, конечно же, чтобы не забыть, к философии наук о Земле.

Тем не менее все отечественные академики твердо убеждены, что единое миро-здание существует. Что физическое есть в самой природе. И химическое есть в самой природе. И биологическое. И социальное. И все это — отдельные этажи.

Они лишь отстаивают свое право изучать только свой собственный этаж.

Пусть остальным занимаются все, кто угодно — хоть философы, хоть теологи.

П. Слотердаjk, конечно, не верит в существование такого средневекового миро-здания. И не посягает на то, чтобы с одного его этажа дерзко судить обо всех остальных. Он просто доводит до логического конца то разрушение представлений об «объективной реальности», которое было начато И. Кантом.

И. Кант осуществил коперниканский (точнее, либеральный) переворот в философии и заявил, что не человек вращается вокруг мира, а мир вращается вокруг человека. То есть не человек приспосабливается к миру, а картина мира создается человеческими познавательными способностями. Короче говоря, человек сам складывает себе не только отдельные предметы, но и отдельные науки.

Если я хочу, чтобы частью была элементарная частица, а целым — атом, я создаю физику микромира. Если я хочу, чтобы частью был атом, а целым — молекула, я создаю химию. Если я хочу, чтобы целым была клетка, а частями — мембрана, цитоплазма, органоиды и тому подобное, я создаю микробиологию. Если я хочу, чтобы целым был организм, а частью — клетка, я получаю биологию обычную. И так далее. «В самой природе» ничего физического нет. Как нет и ничего биологического (химического, паразитологического, эстетического и архитектурного). Все зависит только от того, как мы будем смотреть на вещи. Какой прицел установим. Какую выберем оптику — телескоп или микроскоп.

Нет ни миро-здания, ни его этажей. Одно и то же можно изучать и как химическое, и как физическое, и как биологическое, и как социальное. Например, человека. Есть только некоторое Одно-И-То-Же. И деление на науки зависит только от нашего выбора.

Когда Кант добавил к этому, что ни философы, ни теологи, ни психологи не могут дать научного ответа на вопросы, каков мир в целом, есть ли Бог и каков Он,

что представляет собой душа и что такое свобода, естествоиспытатели устроили анархический праздник свободы как вседозволенности.

Как только выяснилось, что деление на науки определяется не Богом и не Природой, а познающим человеком, каждый естествоиспытатель представил в роли этого человека именно себя. Были выделены сотни наук, и число их ныне стало доходить порой до тысячи с лишним. Циничные физики заявили, что количество элементарных частиц будет таким, чтобы их хватило на защиту всех будущих диссертаций. (Надо ли добавлять, что каждая из тысячи наук по-своему толковалась каждым ученым? Ведь он сам складывал себе картину мира, лишь изредка согласуя свой опыт с другими через посредство специальных журналов. Наука есть то, что считаем наукой мы, в данный журнал пишущие и высокомерно рецензирующие остальных.)

Своеволие либерализма подорвало единую общеобязательную картину мира. Но оно подорвало и единые частнонаучные картины мира. Отдельные научные школы создали различающиеся картины мира. Пошли разговоры о сменяющихся парадигмах: одна умирает, другая приходит на смену. А то и сосуществуют некоторое время. Наконец, методологический анархист П. Фейерабенд провозгласил: «Сгодится все!»

Последовательный научный либерализм, то есть эмпиризм, вначале ликвидировал гениев в науке, приравняв их «опыт» к опыту негениев... Раз уж все в науке устанавливает человек, то надо идти дальше и признавать не только такие права человека вообще, но и права каждого человека в отдельности. Вначале эти права признаются за великими людьми. Потом — за «специалистами-экспертами»: сколько врачей, столько и диагнозов. Наконец, дело доходит до современных ток-шоу и псевдонаучных телепрограмм: если рейтинг велик, то массы смотрят и одобряют, а ведь у каждого из людей, составляющих эти массы, свой опыт. Какое кто-либо имеет право ограничивать доступ в «рейтинговые» журналы и на научно-популярные ток-шоу? Кто, спрашивается, признавал экспертов экспертами? Опыт есть у всех. Каждый в эпоху демократии имеет право голоса. Один человек — один голос. Все равны. Осталось подсчитать, как проголосовала студия.

Заратустра у Ф. Ницше описал три стадии, которые вполне можно отнести не только к человеческой жизни, но и к развитию науки. На первой стадии человек похож на верблюда: он гордится своим «научным багажом», требует наваливать на него побольше — он-де выдержит самое тяжкое. На второй стадии человек похож на льва: он набрасывается на все, что почитал раньше, и рвет это в клочья. На третьей стадии человек похож на играющего ребенка: тот складывает для собственной забавы из кубиков что-то свое, ему одному понятное, а затем с хохотом разрушает это взмахом своей руки. И строит что-то новое.

Наука вступила, похоже, именно в эту стадию своего развития. После того как П. Фейерабенд провозгласил, что «сгодится все», что позволит хоть как-то увязать данные опыта, потому что, как продемонстрировал Э. Мах, история механики в теоретическом плане представляет собой историю нелепостей; после того как физики объявили, что все элементарные частицы состоят из кварков, что

в переводе (на выбор!) означает «твороги» или «чепуховины», и различаются эти кварки «ароматами», — после всего этого появились люди, которые стали профессионально прикидываться, в отличие от развеселившихся настоящих ученых, философами отдельно взятых наук. Чтобы хотя бы немного успокоить публику, встревоженную тем, что не только мир в целом, но и отдельные науки пришли в хаотически-анархическое состояние.

Началось великое философское самообслуживание наук.

Физиологи — вернее, прикинувшиеся физиологами философы — сотворили неокантианство.

Физики — вернее, прикинувшиеся физиками философы — сотворили позитивизм Венского кружка.

Прикинувшиеся биологами философы сотворили «философию жизни» и «философскую антропологию».

Мнимые историки и филологи сотворили структурализм и постмодернизм.

Вот что было интересно: в своей «собственной» науке такие маргиналы особого веса не имели. Они были чужими среди своих и своими среди чужих. Философами среди ученых и учеными среди философов. Но вес и популярность эти маргиналы обрели тогда, когда стали с видимостью великого успеха распространять «свою» науку на весь мир, объясняя его легко и просто, либо, наоборот, заманчиво и затейливо. Прием у всех маргиналов был один: ключевые представления этой, «своей» науки и пара-тройка ее наиболее броских понятий превращались в основу нового философского мировоззрения.

Знание становилось силой, но силой становилось и другое знание. Битва наук за интерпретацию всего мира сделалась проявлением воли-к-власти-над-умами. Маргиналы придумали «-измы». Об этом прекрасно сказал Н. Гартманн: он разделил полезный ход особо успешной на данный момент науки и неизбежно следующее за ним создание маргиналами «-изма», то есть распространения этой науки для объяснения всего мира в целом: механиц-изм, физикал-изм, биолог-изм, энергет-изм.

Сейчас эти «-измы» состязаются на рынке массмедиа.

Дошла, как видно, очередь и архитектуры создавать свой «-изм» — объяснять архитектурным образом весь мир в целом и все в нем без остатка. Становиться всеобщим архитектурным объяснением всего. Новейшим архитектуризмом в философии.

***

Если есть только некое Одно-И-То-Же, которое каждый волен познавать по своей собственной мерке, то победит в этой борьбе за умы (или хотя бы за «лайки» типа «автор пиши еще») тот, кто умеет быть *энтертейнером*. Это такая новая профессия, которая приходит на смену профессии педагога. Педагог — это детовод. Он тоталитарно *вел* детей (да и сам был рабом во времена Античности). А задача энтертейнера — обучение с увлечением. Как бы резвяся и играя.

Заскучавший среди бессмысленных позитивистов-двоечников мир готов вернуться в школу, но не с видом побитой собаки, которая убежала и шаталась

неведомо где, а сохранив лицо. Надо, чтобы это была новая, интересная школа — веселая, вроде цирка для Буратино. Теперь не надо будет менять букварь на билет в цирк. Цирк будет прямо в школе. То есть это будет как бы и не школа вообще. Так что никто никуда не возвращается, косвенно признавая ошибку, а просто совершает очередной шаг на пути прогресса: ведь он своими панк-демаршами добился нового, интересного стиля обучения.

В ответ на такую потребность общества и появляется ученый-клоун, развлекатель-энтертейнер — вроде веселых телеведущих-медиков, изображающих процесс обрезания крайней плоти посредством закатывания воротника от водолазки на голову превращенного в «модель» человека и обрезания этого воротника ножницами прямо посреди студии.

Энтертейнер может предстать и в виде ведущего научно-популярной передачи «Галилео», который должен непременно иметь безумный вид — как у героя фильма «Назад в будущее». Такого взлохмаченно-сумасшедшего чудака-интеллектуала общество демократических двоечников и троечников еще готово терпеть — вместо зловещих негодяев-ученых из фильмов про Бонда, которые намерены захватить или даже уничтожить весь мир.

Чудак-профессор двоечнику не обиден: да, он гений, но у него волосы как у клоуна в цирке, а между тем он не в цирке, а в обществе, значит, это сумасшедший. А двоечник-реалист все же будет поценнее для общества, чем безумный гений.

И ученый-мудрец тоже был превращен победившими революционерами-двоечниками в «эксперта», то есть в *интеллектуала по вызову*. Пусть ученые сидят в своих лабораториях и университетах, но иногда мы для собственного развлечения призовем их на конкурс телезнатоков. Мы пороемся в энциклопедии и зададим им вопрос — пусть выкручиваются. Или позвоним им, — это будет «помощь друга». В остальное время они нам просто не нужны.

Изгнанный было из общества в кампус-резервацию ученый пытается вернуться — хотя бы в роли клоуна-энтертейнера. Общество не должно забывать его науку совсем и прекращать финансирование ее. Приходится напоминать о себе в этом рыночном обществе громким клоунским смехом, потому что если забудут, то перестанут звать вообще. «А вот, кому веселое образовательное обслуживание энтертейнерами?»

***

Здесь, однако, надо заметить, что одним только весельем долго публику не удержишь. Конкуренция энтертейнеру ныне очень высока. Тут тебе и Петросян, и «Камеди-клуб», и стендапы, и женский юмор для желающих.

Если бы ученый-клоун просто веселил народ, ему не удалось бы навязать себя всем. Надо, чтобы он потешался *забористо*. Так, чтобы забирало. Чтобы можно было сказать с придыханием: «Я прямо в шоке». Секрет энтертейнера в том, чтобы весело рассказать о чем-то страшном. Вот, к примеру, забавная история о неизлечимой болезни. Веселые известия о подготовке к близкому концу света у разных народов. Проголосуйте за лучшего тирана в истории — смех, да и только!

Вот тогда, когда и страшно, и смешно, народ потянется к эртертейнеру всею массой. Расскажем весело о недугах по телевизору: «Вот наша героиня, у нее несварение желудка. Поаплодируем ей!». Ничего, оказывается, страшного. Ходит героиня, улыбается, хотя и натужно. Ужас развеивается на глазах. Зрители испытывают облегчение. Или вот еще — губительное глобальное потепление. Очень интересно, смоеет ли нас всех с лица Земли? Не улететь ли нам всем заблаговременно в космос? Говорят, нашли планету, похожую на Землю. Заходи, заходи к нам в балаган, милый Буратино, — вместе со своим букварем.

Все эти рассказы о грядущих несчастьях — *опережающие психодрамы*. Психодрама обычная подразумевает следующее: если с вами произошло несчастье, надо почаще рассказывать о нем, снова и снова проигрывать его в кругу людей — и постепенно оно отделится от вас и превратится в пьесу, в рассказ, в литературу. Вы перестанете переживать происшедшее. Теперь массмедиа пошли дальше. Разыграем психодраму не после несчастья, а до него! Поговорим о еще не произошедших, но неизбежных несчастьях человечества?

***

Вернемся, однако, к суперликвидной архитектурно-акушерской философии П. Слотердайка. Мы остановились на том, что мать для мальчика не объект влечения, а *дом*. Хороший, «умный» дом, в котором подается все, что необходимо для жизни, а откуда-то сверху доносится приятнейший голос. Но П. Слотердайку, который провел молодость в коммунах протестно-альтернативно настроенной молодежи, а потом ездил в Индию, где пребывал в окружении Ошо, проживание даже в доме в одиночку — дело непривычное и неестественное. У человека должно быть преданное окружение. Желательно, конечно, незаметное.

Поэтому он говорит, что все люди — близнецы. Но абсолютное большинство из них своего «двойника» теряют — в момент рождения. Потому что этот двойник — плацента.

Плацента непосредственно обеспечивает плод всем, что ему необходимо, обволакивает его заботой, хранит и бережет — чтобы умереть при родах. Вся ее жизнь была посвящена заботе о ближнем. Плацента — это «протодуал». В результате все люди от рождения предрасположены к «постоянному анонимному сопровождению».

Говоря проще, каждый человек со времен внутриутробного развития привык, что его сопровождает, оберегает и пассивно общается с ним — что называется, не подавая голоса — какое-то незаметное существо.

Отсюда можно вывести все.

От «большого брата» до ангела-хранителя.

Можно предложить новое понимание религии.

Плаценту — утраченного близнеца-протодуала — хоронили около дома. Так возник «гений места». Ангел-хранитель возник так же, только он сопровождает нас — как и подобает плаценте, незримо заботясь.

Утраченная плацента объясняет лирическую поэзию. Почему вся любовная лирика посвящается *навсегда утраченной* возлюбленной? Певец отнюдь

не рассчитывает приманить ушедшую девушку своими песнями, — он поет с надрывом, поскольку знает, что ее не вернуть. (То же относится и к любовным стихотворениям.) Да потому, что это стихи и песни не о девушке, а о плаценте!

«Соответствующий этому главный миф европейцев, центральный миф оперы, история Орфея и Эвридики — это в действительности миф о плаценте как дубле, а вовсе не история эротической пары. Эвридика с самого начала пребывает в подземном мире, нам только кажется, что мы потеряли ее посреди жизни. Поэтому и приходится всегда оплакивать в песнях подругу-спутницу как уже утраченную, и утраченную навсегда, — все попытки вернуть ее песнями сразу предстают под знаком невозможного» [4, 250–251].

«Пузырь» — как околоплодный пузырь, так и материнская утроба — это исходный дом человека. Желание снова обитать там, в защищенности и укрытости, заставляет людей создавать мифы о воде, в которую погружен весь мир в целом: «Потому что все есть мать, потому что собственная мать вечно возвращается как великая всеобщая мать, потому что весь мир плавает в околоплодных водах — вспомните египетские и месопотамские представления о “воде, окружающей мир”, и все сущее как бы содержится в околоплодном пузыре. Картины, подобные этой, показывали, в какой форме ранние культуры ратовали за своего рода матриархально окрашенную все-имманентность» [Там же, 249].

Всё без остатка — ну или почти всё — объясняется плацентой.

Включая творчество Ф. М. Достоевского.

Его князь Мышкин — самая известная плацента в литературе. Его никто не замечает: герои «Идиота» даже не стесняются переодеваться в его присутствии. Но одно его незаметное присутствие само по себе делает жизнь всех остальных легче и лучше.

П. Слотердаjk приезжал в Санкт-Петербург в апреле 2013 г. и в музее Ф. М. Достоевского устраивал презентацию учрежденной им с друзьями премии «Идиот». Она была предназначена для вручения самому неприспособленному к жизни в современном рыночном обществе, но при этом сделавшему жизнь окружающих легче и приятнее. Первая премия была вручена какому-то старому французскому комику — в связи с его юбилеем, который он провел на сцене в весьма преклонном возрасте, причем шутил и плясал. Вторая кандидатура на момент приезда была еще не определена...

Все же гинекологическая философия архитектуры разнообразит нашу культурную жизнь. Как, впрочем, и все прочие философии частных наук с картинками. Будьте благословенны и признаны все те, кто придумал преподавать их самым широким массам! Такое преподавание отвлекает массы от улицы. Массы стали меньше хулиганить в подъездах и поджигать почтовые ящики. Они предпочитают писать в Интернете. Теперь надо не допускать к власти «менеджеров широкого профиля». Ведь они уверены, что есть менеджмент вообще, который есть — на самом деле — всего лишь менеджмент их собственной отрасли, распространённый за допустимые пределы, на весь мир. Если, скажем, во главе образования страны оказывается металлург, то он только и думает, как разогреть все университеты до белого каления, а потом слить воедино, авось так возникнет

металл с невиданными, просто чудесными свойствами... А философия станет в нем исчезающей малой присадкой?

---

1. Слотердайк П. Сферы. Макросферология. Т. 2 : Глобусы. СПб., 2007.
2. Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1 : Пузыри. СПб., 2005.
3. *Слотердайк П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. 3 : Пена. СПб., 2010.
4. *Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю.* Солнце и смерть. СПб., 2015.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2017 г.